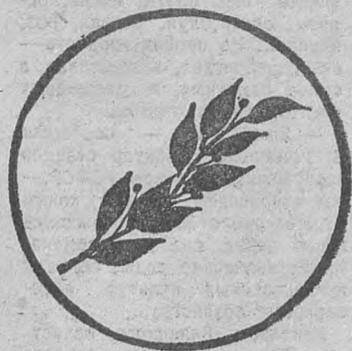

Рисунок Б. Лебедева

28 марта исполнилось 110 лет со дня рождения великого художника слова, основоположника литературы социалистического реализма, родоначальника советской литературы Алексея Максимовича Горького. «Неделя» предлагает читателям познакомиться с малоизвестными воспоминаниями об Алексее Максимовиче, относящимися ко времени его пребывания на Капри, и перепиской писателя.

«Я ЧЕЛОВЕК ЖАДНЫЙ НА ЛЮДЕЙ»

ПОМОЩЬ В ВЫБОРЕ ПУТИ

сали М. Горькому, и вот помощь оказана. Из Москвы в ряде писем М. Горькому сообщают о назначении редактором журнала «Красная новь» П. М. Керженцева. Вопрос Керженцеву, верно ли это известие, не праздный вопрос для Горького: он один из организаторов журнала «Красная новь», первого толстого литературного журнала, основанного в 1921 году при поддержке В. И. Ленина. Первые годы М. Горький заведовал беллетристическим отделом.

О том, что Горький живет на Капри и в Сорренто, я слышал с детства из уст общих друзей. Но лично я его не знал. Я нанес ему визит, когда стал коммунистом, начинающим подпольщиком.

...В Сорренто, на вилле Серра Каприола, Горький, запершись в своем кабинете, работал с раннего утра и не разрешал себя беспокоить. Я его увидел за завтраком: высокого, слегка сутулящегося, в крестьянской рубашке. Я был ему представлен, и он произнес несколько слов по-русски, упомянув имя моего отца.

За столом я упомянул о некоторых суждениях Стефана Цвейга, проехавшего через Неаполь после путешествия в Москву. Я заметил, что внимание Горького сразу же пробудилось. Тогда я начал говорить о последней книге Кроче* «История Европы» и о его несправедливой оценке Советской России.

Из кипы писем он взял наугад одно, полученное, как он заметил, из уральского села. В тех краях случались землетрясения, и в местном Совете обсуждался вопрос, как нужно строить новые дома. Юный корреспондент выступал за необходимость сейсмически устойчивых конструкций и обращался к Горькому с просьбой прислать какую-нибудь итальянскую книгу о таких конструкциях, ибо считал, что в Италии, после ужасного мессинского землетрясения, жертвам которого первую помощь оказали русские моряки, эта наука должна была развиваться.

Горький заявил мне, что это и есть пример социалистической демократии: юноша читает и пишет, ведет борьбу за превращение в жизнь своей идеи. Бывает такое, не говоря уже об Италии, хотя бы во Франции? «Ко мне обращаются тысячи юношей и девушек,— добавил писатель, показывая на груду писем.— Все хотят знать больше, хотят внести свой вклад в жизнь».

Потом он начал говорить о моем отце. Сказал, что очень уважал его, несмотря на то, что тот был «интервентистом»**. Горький взял с книжной полки «Либер амикур» Роллана — книгу, в которой в 1925 году, по случаю юбилея французского писателя, были собраны свидетельства уважения и симпатии самых крупных европейских деятелей культуры, и показал мне, что строки Амандолы и его шли рядом. «В заметке Амандолы,— сказал Горький,— есть сожаление о том, что он поверил, будто война способна разрешить какие-либо проблемы».

Я вернулся в Неаполь возбужденным. Знакомство с Горьким утвердило во мне убеждение в правильности избранного пути.

Джорджо АМЕНДОЛА

* Кроче — известный буржуазный философ.

** Интервентист — сторонник участия Италии в первой мировой войне.

В богатейшем литературном наследии М. Горького его эпистолярное творчество занимает особое место. Оно огромно и значительно по своему неповторимому содержанию.

М. Горький переписывался с широким кругом людей самых разных профессий и самых разных национальностей.

В письме к своему биографу И. А. Груздеву в 1928 году он писал: «...Но — до чего интересен становится русский человек, особенно когда он, закоренелый индивидуалист, видит выгоду коллективного труда! Замечательно. Не умеем мы писать о драмах в пятиактный и о трагедиях в рубль, а, ведь, это же настоящие, Софокла и Шекспира трагедии. Разбирая письма, коими осыпает меня «Русь», завидую человеку, который будет рыться в моем архиве...»

А Русь действительно «осыпала» щедро. Более 40 тысяч корреспондентов (в том числе 7 тысяч писем советских и зарубежных писателей) учтено в персональном архиве А. М. Горького при Институте мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР. Письма эти раскрывают поистине необъятный мир творческой личности М. Горького. Активно откликается он на все, что волнует его, будь то события большого общественного или литературного значения или просто события одной человеческой жизни.

Публикуемые ниже письма М. Горького к видным советским дипломатам — В. С. Довгалеvскому, П. М. Керженцеву, К. А. Уманскому — дают представление об участии М. Горького в развитии нашей культуры, в сохранении драгоценного наследия прошлого.

Судьба братьев П. Д. и А. Д. Кориных, оригинальных мастеров, глубоко волнует писателя. Одновременно с письмом к В. С. Довгалеvскому М. Горький пишет о них Р. Роллану — рассказывает о своем портрете, сделанном Павлом Дмитриевичем (портрет сейчас хранится в Третьяковской галерее), и далее: «...Его мечта — написать Ваш портрет, для чего он в будущем году мог бы приехать к Вам. Я поддерживаю это его намерение, ибо нужно, чтобы в Союзе Советов был Ваш хороший портрет. Позвольте надеяться, что Вы не против этого, друг мой?» Корины хотят учиться у великих итальянских мастеров. М. Горький пишет в Наркомпрос РСФСР, просит выслать деньги.

О трудном положении внучатой племянницы Ф. М. Достоевского — О. М. Бережновой, проживающей в Самаре, напи-

ходить, смотреть и говорить. И поехал бы во все места, которые знаю: на Волгу, на Кавказ, на Украину, в Крым, на Оку и — по всем бывшим ямам, по ухамам. Каждый раз, — а это: каждый день! — получив письмо от какого-нибудь молодого человека, начинающего что-то понимать, чувствуешь ожог, хочется к человеку этому бегом бежать.

Какие интересные люди, как все у них кипит и горит! Славно.

Первый том романа отправил в Россию, второй — оканчиваю. Работается не плохо, весна, поздоровел.

А Вы — в журналистику переселяетесь? Слышал — в «Кр. Новь»? Правда?..

Как чувствует себя в России дочь? Почему бы нам не поменяться: я Вам пришлю карточку Марфы-внуки, а Вы мне — дочери карточку?

Сердечный привет. Всего доброго

21.III.27.

Дорогой г. Довгалеvский — очень прошу Вас: окажите возможное внимание братьям Кориным, художникам исключительной талантливости. Будучи в Риме, они жили в Полпредстве, может быть, это возможно для них и в Париже? Хорошо бы. Считаю необходимым отметить следующее: они — крестьяне знаменитого села Палех, потомки «богомасов» и при этом — ученики Мих. Мих. Нестерова... Переживают «кризис», который, мне кажется, окончен будет их полным оздоровлением. Талантливы они оба — на редкость. Старший написал отлично мой порт-

рет, а будущим летом, пишет для нас портрет Р. Роллана, о чем я с Ролланом уже договорился...

20-го еду в Москву. Желаю Вам всего доброго и всяческих успехов.

А. ПЕШКОВ.

Р. С. Вслед за Кориными явится к Вам Афиногенов, автор «Чудака» и «Страха».

А. П.

8. IV.32.

Дорогой г. Уманский, сообщая Вам копию письма сына Мих. Драгоманова, очень прошу Вас поспособствовать делу приобретения архива виднейшего деятеля Украины. Дочь его, с которой я встречался в Италии, утверждала, что в архиве отца есть письма Чернышевского, Чичерина Бориса, Костомарова, Шевченко, польских националов, русских либералов и что вообще — архив богатейший.

Думаю, что будет лучше, если все эти документы окажутся в Москве или Киеве, а не во Львове. По делу этому я уже написал П. П. Постышеву. Будьте добры известить меня или непосредственно его Постышева, что по этому поводу будет предпринято Наркоминделом.

Крепко жму руку.

М. ГОРЬКИЙ.

12.IX.34.

Публикация Архива А. М. Горького. Подготовила научный сотрудник А. ПОГОСОВА.

Дорогой Платон Михайлович — заметку о Л. Б. Красине я уже послал вчера в Москву «Международной книге»... Так как я, вообще, пишу медленно, то, спеша, наверное, написал плохо.

Вас я попрошу вот о чем: мною получено письмо с просьбой о помощи от внуки Михаила М. Достоевского. Она с 17-го по 26-й год служила конторщицей в Самарском Университ., недавно у нее там «произошел конфликт», — как она пишет — и сейчас она больная, без работы...

Не найдут ли возможным пристроить ее к работе?

Ее адрес: Самара. Угол Чайковской и Красноармейской, дом 178/12-14.

Ольга Михайловна Бережнова.

Затем — желаю Вам доброго пути, здоровья и бодрости духа. Крепко жму руку.

А. ПЕШКОВ.

Не забывайте!
6-XII-26.

Получил Ваше письмо, дорогой Платон Михайлович, спасибо за хлопоты о внучке Достоевского.

И — уж кстаи о внучках: мою я прозвал Марфа Проказница, в отличие от Новгородской Марфы. Вот уж действительно неугомонный ребенок и — какой властный! Весьма утешает меня, старика.

Нет, дорогой П. М., в России невозможно «создать обстановку, которая не мешала бы писательской работе» моей. Я — человек жадный на людей и, разумеется, по приезде на Русь работать не стану, а буду